

Благовещение

Сергей Аверинцев

Вода, отстаиваясь, отдает
осадок дну, и глубина яснее.

Меж голых, дочиста отмытых стен,
где глинян пол и низок свод; в затворе
меж четырех углов, где отстоялась
такая тишина, что каждой вещи
возвращена существенность: где камень
воистину есть камень, в очаге
огонь — воистину огонь, в бадье
вода — воистину вода, и в ней
есть память бездны, осененной Духом,—

а больше взгляд не сыщет ничего,—

меж голых стен, меж четырех углов
стоит недвижно на молитве Дева.

Отказ всему, что — плоть и кровь; предел
течению помыслов. Должны умолкнуть
земные чувства. Видеть и внимать,
вкушать, и обонять, и осязать
единое, в изменчивости дней
неизменяемое: верность Бога.

Стоит недвижно Дева, покрывалом
поникнувшее утаив лицо,
сокрыв от мира — взор и мир — от взора;
вся сила жизни собрана в уме,
и собран целый ум в едином слове
молитвы.

Как бы страшно стало нам,
когда бы прикоснулись мы к такой
сосредоточенности, ни на миг
не позволяющей уму развлечься.
Нам показалось бы, что этот свет
есть смерть. *Кто видел Бога, тот умрет,—*
закон для персти.

Праотец людей,
вкусив и яд греха, и стыд греха,
еще в Раю искал укрыть себя,

поставить Рай между собой и Богом, творенье Бога превратив в оплот противу Бога, извращая смысл подаренного чувствам: видеть все — предлог, чтобы не видеть, слышать все — предлог, чтобы не слышать; и рассудок сменяет помысл помыслом, страшась остановиться.

Всуде мудрецы
об алмазных учили гранях,
о стенах из огня, о кривизне пространства: тот незнанный предел, что отделяет ум земной от Бога, есть наше невнимание. Когда б нам захотеть всей волею — тотчас открылось бы, как близок Бог. Едва достанет места преклонить колена.

Но кто же стерпит, вопрошал пророк, пылание огня? Кто стерпит жар сосредоточенности? Неповинный, сказал пророк. — Но и сама невинность с усилием на эту крутизну подымается.

Внимание к тому, что плоти недоступно, есть для плоти подобье смерти. Мысль пригвождена, и распят ум земной; и это — крест внимания. Вся жизнь заключена в единой точке, словно в жгучей искре, все в сердце собрано, и жизнь к нему отхлынула. От побелевших пальцев, от целого телесного состава жизнь отошла — и перешла в молитву.

Колодезь Божий. Сдержана струя, и воды отстоялись. Чистота начальная: до дна прозрачна глубь.

И совершилось то, что совершилось:

меж голых стен, меж четырех углов явился, затворенную без звука минуя дверь и словно проступив в пространстве нашем из иных глубин

непредставимых, волей дав себя
увидеть,— тот, чье имя: *Божья сила*.

Кто изъяснял пророку счет времен
на бреге Тигра, в огненном являсь
подобии. Кто к старцу говорил,
у жертвенника стоя. *Божья сила*.

Он видим был — в пространстве,
но пространству
давая меру, как отвес и ось,
неся в себе самом уставы те,
что движут звездами. Он видим был
меж голых стен, меж четырех углов,
как бы живой кристалл иль столп огня.
И слово власти было на устах,
неотвратимое. И власть была
в движенье рук, запечатлевшем слово.

Он говорил. Он обращался к Ней.

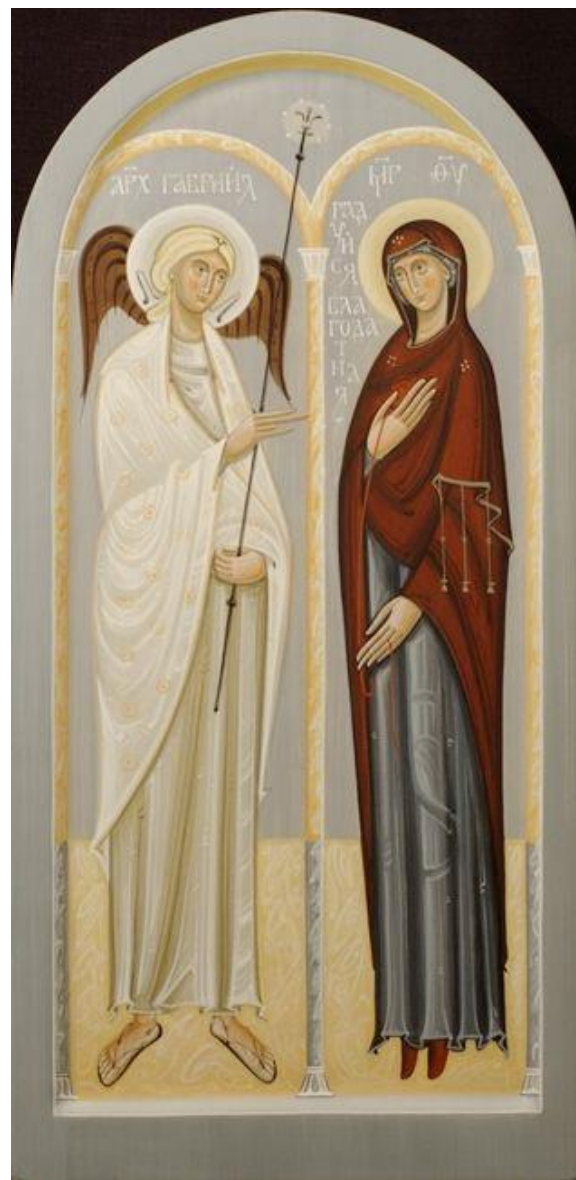
Учтивость неба: он Ее назвал
по имени. Он окликал Ее
тем именем земным, которым мать
Ее звала, лелея в колыбели:
Мария! Так, как мы Ее зовем
в молитвах: *благодатная Мария!*

Но странен слуху был той речи звук:
не лепет губ, и языка, и неба,
в котором столько влажности, не выдох
из глуби легких, кровяным теплом
согретых, и не шум из недр гортани,—
но так, как будто свет заговорил;
звучание без плоти и без крови,
легчайшее, каким звезда звезду
могла б окликнуть: «*Радуйся, Мария!*»

Звучала речь, как бы поющий свет:

«О, Благодатная — Господь с Тобою —
между женами Ты благословенна...»

Учтивость неба? Ум, осиль: Того,
Кто создал небеса. Коль эта весть
правдива, через Вестника Творец

приветствует творение. Ужель
вернулось время на заре времен
неоскверненной: миг, когда судил
Создатель о земле Своей: «добро
зело»,— и ликовали звезды? Где ж
проклятие земле? Где, Дочь Евы?

И все легло на острие меча.

О, лезвие, что пронизало разум
до сердцевины. Ты, что призвана:
как знать, что это не соблазн? Как знать,
что это не зиянье древней бездны
безумит мысль? Что это не глумленье
из-за пределов мира, из-за грани
последнего запрета?

Сколько дев
языческих, в чьем девстве — пустота
безлюбия, на горделивых башнях
заждались гостя звездного, чтоб он
согрел их холод, женскую смесив
с огнем небесным кровь: из века в век
сидели по затворам Вавилона
служанки злого таинства, невесты
небытия; и молвилась молва
о высотах Ермонских, где сходили
для странных браков к дочерям людей
во славе неземные женихи,
премудрые,— и покарал потоп
их древний грех.

Но здесь — иная Дева,
в чьей чистоте — вся ревность всех пророков
Израиля, вся ярость Илии,
расторгнувшая сеть Астарты; Дева,
возросшая под заповедью той,
что верному велит: не принимать
языческого бреда о Невесте
превознесенной. Разве не навек
отсечено запретное?

Но Вестник
уже заговорил опять, и речь
его была прозрачна, словно грань
между камней твердейшего, и так
учительно ясна, чтобы воззвать
из оторопи ум, смиряя дрожь:

«Не бойся, Мариам; Ты не должна
страшиться, ибо милость велика
Тебе от Бога».

О, не лесь: ни слова
о славе звездной: все о Боге, только
о Боге. Испытуется душа:
воистину ли веруешь, что Бог
есть Милостивый? — и дает ответ:
воистину! До самой глубины:
воистину! Из сердцевины сердца:
воистину! Как бы младенца плач,
стихает смута мыслей, и покой
нисходит. Тот, кто в Боге утверждён,
да не подвижется. О, милость, милость,
как ты тверда.

И вновь слова звучат
и ум внимает:

«Ты зачнешь во чреве,
И Сын родится от Тебя, и дашь
Ему Ты имя: Иисус — *Господь
спасает*».

Имя силы, что во дни
Навиновы гремело. *Солнце, стань
над Гаваоном и луна — над долом
Аиалон!*

«И будет Он велик,
и назовут Его правдиво Сыном
Всевышнего; и даст Ему Господь
престол Давида, пращура Его,
и воцарится Он над всем народом
избрания, и царствию Его
конца не будет».

Нет, о, нет конца
отверстой глуби света. Солнце правды,
от века чаянное, восстает
возрадовать народы; на возврат
обращена река времен, и царство
восставлено во славе, как во дни
начальные. О, слава, слава — золото
без примеси, без порчи: наконец,
о, наконец Господь в Своем доме —
хозяин, и сбываются слова

обетований. Он приходит — Тот,
чье имя чудно: *Отрок, Отрасль* — тонкий
росток процветший, царственный побег
от корня благородного; о Ком
порой в загадках, а порой с неожиданным
дерзанием от века весть несли
сжигаемые вестью; Тот, пред Кем
в великом страхе лица сокрывают
Шестикрылатые —

Но в тишине
неимоверной ясно слышен голос
Отроковицы — ломкий звук земли
над бездной неземного; и слова
текут — студеный и прозрачный ток
трезвейшей влаги: Вятен в тишине,
меж: голых стен, меж четырех углов
вопрос:
«Как это будет, если Я
не знаю мужа?»
— Голос человека
пред крутизной всего, что с человеком
так несоизмеримо. О, зарок
стыдливости: блюдут ли небеса,
что человек блюдет? Не пощадит —
иль пощадит Незримый волю Девы
и выбор Девы? О, святой затвор
обета, в тесноте телесной жизни
хранимого; о, как он устоит
перед безмерностью, что границ
не знает? Наставляемой мольба
о наставлении: «*Как — это — будет?*» —

Дверь мороку закрыта. То, что Божье,
откроет только Бог. На все судил
Он времена: «*Мои пути — не ваши
пути*». Господне слово твердо. Тайну
гадания не разрешат. Не тем,
кто испытует Божий мрак, себя
обманывая сами, свой ответ
безмолвию подсказывая, бездне
нашептывая,— тем, кто об ответе
всей слезной болью молит, всей своей
неразделенной волей, подается
ответ.

И Вестник говорит, и вновь
внимает Наставляемая, ум
к молчанию понудив:
«Дух Святой —
тот Огонь живой, что на заре времен
витал над бездной, из небытия
тварь воззывая, возгревая вод
глубь девственную,— снидет на Тебя;
и примет в сень Свою Тебя, укрыв
как бы покровом Скинии, крыла
Шехины простирая над Тобой,
неотлучима от Тебя, как Столп
святой — в ночи, во дни — неотлучим
был от Израиля, как слава та,
что осияла новозданный Храм
и соприсушной стала, раз один
в покой войдя,— так осенит Тебя
Всевышнего всезидущая сила».

О, сила. Тот, чье имя — Божья сила,
учил о Силе, что для всякой силы
дает исток. Господень ли глагол
без силы будет? Сила ль изнеможет
перед немислимым, как наша мысль
изнемогает?

Длилось, длилось слово
учительное Вестника — и вот
что чудно было:
ангельская речь —
как бы не речь, а луч, как бы звезда,
глаголющая — что же возвещала
она теперь? Какой брала пример
для проповеди? Чудо — о, но чудо
житейское; для слуха Девы — весть
семейная, как искони ведется
между людьми, в стесненной теплоте
плотского, родового бытия,
где жены в участи замужней ждут
рождения дитяти, где неплодным
лишь слезы уготованы. И Дева
семейной вести в ангельских устах
внимала — делу силы Божьей.

«Вот
Елисавета, сродница Твоя,

бесплодной нарицаемая, сына
в преклонных летах зачала; и месяц
уже шестой ее надеждам».

Знак

так близок для Внимающей, да будет
Ей легче видеть: как для Бога все
возможно — и другое: как примера
смирение — той старицы стыдливо
таимая, в укроме тишины
лелеемая радость — гонит прочь
все призраки, все тени, все подобья
соблазна древнего. Недоуменье
ушло, и твердо стало сердце, словно
Господней силой огражденный град.

И совершилось то, что совершилось:

как бы свидетель правомочный, Вестник
внимал, внимали небеса небес,
внимала преисподняя, когда
слова сумела выговорить Дева
единственные, что звучат, вовеки
не умолкая, через тьму времен
глухонемую:

*«Се, Раба Господня;
да будет Мне по слову Твоему».*

И Ангел от Марии отошел.

